

Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин

Раевский Н. А. Избранное.
Мн.: Выш. школа, 1978.
OCR Ловецкая Т. Ю.

Неожиданному случаю я был обязан началом моих пушкиноведческих изысканий в Чехословакии, описанных в книгах "Если заговорят портреты" (1965) и "Портреты заговорили" (1974).

Неожиданным было и начало переписки, которая дала мне возможность подготовить настоящую работу.

В конце 1966 года, когда у меня оставалось всего несколько экземпляров уже полностью разошедшейся книги "Если заговорят портреты", я получил письмо из одного подмосковного поселка. На конверте незнакомый женский почерк. Отправительница обозначена инициалами -- "В. А. Н."

Вскрываю письмо, и тотчас у меня начинается приступ исследовательской лихорадки. Вы поймете мои чувства, читатель, при чтении следующих слов: "Я родная внучка Павла Воиновича Нащокина, дочь его младшего сына Андрея Павлоча, Вера Андреевна Нащокина-Зызина <...> Моя бабушка, жена Павла Воиновича Нащокина, Вера Александровна Нащокина (Нарская) жила и умерла в нашей семье. Вот почему мне особенно дорого все, что написано о Пушкине и его семье".

Внучке одного из самых близких друзей поэта (а в последние годы его жизни -- самого близкого) я, конечно, сейчас же послал свою книжку. Завязалась оживленная переписка. Уговаривать мою новую корреспондентку не приходилось. Во втором же письме, полном новых и интересных сообщений о ее предках, Вера Андреевна меня предупредила: "На все интересующие Вас вопросы ко мне я с удовольствием отвечу".

Вопросов было много. Подробные и точные ответы я получал очень быстро, несмотря на то что преклонный возраст и слабое здоровье внучки Павла Воиновича, несомненно, делали для нее нелегкой эту переписку, требовавшую постоянных разысканий в семейном архиве, к счастью, уцелевшем во время войны. Почтальоны в течение ряда месяцев приносили мне различные по объему и формату заказные пакеты.

Сейчас в моих папках хранится основательная пачка писем, фотокопии портретов, отлично изготовленные снимки ряда документов.

Легко было бы заниматься литературными изысканиями, если бы у всех потомков людей пушкинского времени были такие же внимание и готовность помочь исследователям, что и у Веры Андреевны Нащокиной-Зызиной.

Ознакомившись с присланными ею материалами, я убедился в том, что в довольно обширной литературе о Павле Воиновиче, его жене и их потомках приводится немало неточных, а частью и неверных сведений {Даже в "Русском биографическом словаре" (Пг., 1914, с. 158) ошибочно сказано, что "фамилия Нащокиных в настоящее время ... угасает". В действительности в это время в России проживали многочисленные представители рода Нащокиных.}. Ряд биографических подробностей нуждается в переисследовании. В частности, очень неясны и запутанны вопросы о происхождении Веры Александровны Нащокиной-Нарской и о личности упоминаемого в письме Пушкина к Нащокину "Леленьки", которого поэт в 1833 году привез из Москвы в Петербург. Надо также сказать, что и постоянно цитируемые рассказы Нащокиной о Пушкине остаются, по существу, недостаточно изученными.

Как мы увидим, впервые публикуемые материалы В. А. Нащокиной-Зызиной позволяют многое уточнить и дают окончательное решение нескольких биографических загадок.

Излагая эти новые данные, мне по неизбежности придется коснуться ряда известных фактов и событий, относящихся к семейству Нащокиных, необходимых для более полного представления как о личности самого Павла Воиновича (или "Войныча", как иногда называл своего друга Пушкин), так и о характере его взаимоотношений с поэтом.

* * *

После смерти Дельвига вряд ли к кому-нибудь из друзей-мужчин -- кроме, может быть,